

Самая
страшная
книга

Хеллоуин

Москва
Издательство АСТ

Парфенов М. С.

МОСТ

Старый мост по-прежнему висел над пересохшим руслом реки. Ржавые балки угрюмо выглядывали из-за чахлой растительности на берегах, и слабый солнечный свет безнадежно тонул в глубоких тенях между ними. Перекрестия стальных ферм напоминали глазки мертвецов из детского комикса. У моста было много таких глаз.

— Чертов старик, — пробормотал Савельев. — Тебя уже давно пора разобрать и захоронить по кускам на свалках.

«Я еще всех вас переживу», — отвечал мост безмолвно.

Несколько жирных черных ворон одна за другой сорвались с насиженных мест и начали рисовать уродливые кружева в вечернем небе. Словно кто-то, укрывшись в железобетонных сочленениях, подал сигнал, громко хлопнув в ладоши.

«С возвращением», — прокаркал мост голосами воронья.

— И тебе привет, дохлая развалина, — усмехнулся Савельев и стал подниматься по насыпи. В голове, как вороны над мостом, кружились обрывки воспоминаний.

Ее так и не нашли, ни тогда, ни после. Вот странно. Бывший сосед, с которым он, прогуливаясь возле старого дома, случайно встретился пару дней

назад, рассказал Савельеву, что ее тело так и не нашли. Волосы у дяди Коли поредели и стали белыми, но в остальном он ничуть не изменился. Ничего здесь не менялось. Время в этих краях застыло, не иначе: двадцать лет прошло, а проклятый мост все так же скалит железные зубы всем, кому только попадается на глаза... и труп до сих пор не нашли.

Он взобрался по осыпающемуся щебню наверх и встал на разбитых шпалах, чтобы отряхнуть брюки. Увидел носки своих черных туфель, которые пыль окрасила в цвет плешивой шевелюры постаревшего дяди Коли. Потянулся было в задний карман за платком, но махнул рукой: бесполезно. Шпалы, рельсы, камни и сорняк меж ними — заброшенная железнодорожная ветка вся была серая и тусклая. От земли поднимался запах древности, пыль залетала в нос и глаза. Савельев поднял взгляд.

Мост теперь был прямо перед ним, в паре сотен шагов по шпалам. Покатые полосы боковых перекрытий уходили с двух сторон в небо, где их соединяла толстая стальная перекладина. В образуемую арку тянулась железная дорога, дальний конец тоннеля тонул в сизом тумане. По правую руку от арки из насыпи торчал почерневший остов сторожевой будки.

Родители запрещали детям гулять в этих местах. В те времена, раз в неделю или раз в месяц, дорога еще оживала, и по ней мог пройти, гремя колесами и вагонами, грузовой состав. Савельев помнил рассказы матери, которыми та пыталась удержать их с сестрой подальше от железной дороги и моста.

Один мальчик не слушался родителей и полез на мост, там он случайно коснулся электрического кабеля, и его убило. Одна девочка скакала по шпалам и слишком поздно заметила, что рядом оказался поезд; девочка испугалась, споткнулась, и ее разрезало на две части. Ирка слушала эти страшилки, раскрыв рот, с широко распахнутыми глазами. А Паша

Савельев к тому времени уже был большой, и подобные истории не производили на него впечатления. Даже если — он допускал — в них и была доля правды. Подумаешь, какой-то дурак хватанул десять тыщ вольт. Надо ж думать, куда руки суешь.

Мальчишки много раз бывали и на самом мосту, и рядом. Курили папиросы, разводили по вечерам костры в сторожке, малевали сажей на стенах пошлые слова и картинки. И в итоге сожгли будку.

Щебень хрустел, плевал мелкой крошкой из-под ног, пока Савельев неторопливо приближался к арке и закопченному скелету справа от нее. В груди зацвела теплая сладость — тень детского восторга при виде высоких языков пламени на фоне черного неба и тающих среди звезд оранжевых искр. Господи, он и забыл, как ему нравилось смотреть на огонь!..

Арка моста становилась все ближе, конструкции ее росли на глазах. Уже можно различить полустертые трафаретные надписи «Опасно» и «Вход запрещен». Даже пацаном Савельев этих, тогда еще оранжевых, а теперь уже выцветших бледно-желтых, букв не боялся. Другое дело — Ирка. Когда Паша первый раз ее сюда завел, она прочитала каждое слово вслух, по слогам, и, нахмурившись, сказала брату: «Сюда низя! Низя же!»

«Можно, ведь ты со мной».

Савельев невольно глянул вниз, на правую руку. Воспоминание было таким ярким, что он на мгновение ощутил в ладони тепло ее потных от страха пальчиков.

В тот, первый, раз Ирка боялась нарушить запрет матери. Предупреждающие надписи нагоняли на нее ужас, она трепетала перед большим старым железнодорожным мостом и стискивала руку старшего брата изо всех своих детских силенок.

«Ничего не бойся, глупая. Там интересно. Там живет тролль», — сказал он тогда. Ирка поверила и заулыбалась.

На миг он увидел фигурку в коротком белом платьице с цветочками, облако светлых кудряшек... В глазах зацвипало.

Торчащий из насыпи черный зуб спаленной сторожки медленно, как во сне, проплыл мимо. На его округлой верхушке дремала, спрятав голову под крыло, крупная ворона. Туман клубился посреди распахнувшегося впереди коридора. Савельев шагнул внутрь, и ржавая металлическая сетка, прибитая поверх шпал, скрипнула, упруго прогибаясь под тяжестью его тела.

«Добро пожаловать домой», — прошелестел мост. В шепоте ветра улавливалась угроза. И холодная насмешка.

Ирку так и не нашли. За двадцать лет — как такое возможно? Маленькая девочка в белом платьице до сих пор прячется где-то тут, вместе с громадным старым троллем, сказка про которого ей так нравилась.

Паша больше верил в запах гари и языки алого пламени, пожирающие дерево в ночи, чем в истории про рыцарей и принцесс. А вот сестренка любила слушать рассказы о драконах, царевичах и умных животных, разговаривающих, как люди. Про косматого тролля, обитающего под мостом, Паша сочинил, чтобы порадовать ее. Вернее, не сочинил, а вспомнил историю из книги про викингов, которую брал в школьной библиотеке. «Переложил на новый лад», как сказали бы коллеги Савельева. Впрочем, что эти люди, жители большого города, могли знать о сказках его родного захолустья? Ровным счетом ничего. Пропавшей два десятилетия тому назад девочке было известно о троллях куда больше, чем профессорам с кафедры.

Тролля звали... Какое-то имя они для него придумали, точнее, Ирка придумала, но сейчас Савельев уже не мог вспомнить.

В свое время Пашу изрядно повеселила та твердая убежденность, с какой сестрица заявила, что у

чудища обязательно должно быть имя. Ему тогда казалось, что выдуманные существа — все эти болтливые волки, крылатые эльфы, скатерти-самобранки и живые избушки на курьих ножках — вполне могут обойтись и без кличек. Фантазии, они и есть фантазии, пустое место. Глупо обращаться к воздуху по имени-отчеству. Но сестренка смотрела на мир иначе. У каждой куклы в доме было свое имя — Маша-Глаша-потеряша... Дворовым псам и кошкам Ирка тоже давала клички, каждому свою, а однажды Паша услышал, как сестренка обращается к росшей возле дома березе, о чем-то спрашивает дерево и гладит пятнистую кору ласково, как плечо человека. Маленькая глупышка. Возможно — Паша не хотел уточнять, — она спрашивала у березки, где их папа, когда он вернется домой.

Белесый туман обволок Савельева, лизнул влажным языком лицо. Кожа на шее покрылась мурашками.

«Странно, — подумал он, нащупывая взглядом конец уходящей вперед дороги. — В детстве мост казался меньше и короче, а сейчас стал большим и длинным. Разве не должно быть наоборот?..»

Как Алиса, напившаяся из волшебного пузырька, он будто бы рос обратно, вниз, становясь меньше с каждым шагом. Нет, конечно, на самом деле ничего не менялось ни в нем самом, ни вокруг. Просто косяе стальные колонны обступали уже и спереди, и сзади, толстые железные трубы чертили воздух сверху и по сторонам, от чего Савельев начинал чувствовать себя зверьком, попавшим в клетку.

Громко хлопая черными крыльями, в нескольких метрах впереди расчертила стылую мглу ворона. Хриплое злое карканье разорвало тишину, и он вспомнил, как сестра называла придуманного им тролля.

Хрясь. «Хияс-сь» — так она произносила это, смешно пришепывая, потому что всегда плохо вы-

говаривала букву «р», а еще потому, что у нее выпали молочные зубы и во рту хватало прорех.

Троль Хрясь — *Хияс-сь* — обитал под мостом и был людоедом. Он ел человечину, да и маленьких девочек тоже кушал.

Паша сообщил об этом Ирке, когда они вдвоем как раз сидели на широком полукружии одной из бетонных опор. Над головами тянулись толстый грязный кабель и пупырчатые листы металла — дно моста. Чтоб сестра не запачкала платьице, Паша усадил ее себе на колени. И рассказывал сказку про тролля.

В детских глазах застыли изумление и испуг.

«Не бойся. Я же с тобой. А еще у меня есть вот что, — перед глазами девочки блеснула, а затем со звоном полетела вниз монетка. — Это для тролля...»

«Дья Хияс-ся?!»

«Да, для Хряся-хренася, хе-хе. Видишь, мы ему заплатили, чтобы он нас с тобой не скушал, милая».

Ирка смеялась и просила, чтобы в другой раз он дал монетку ей. Хотела сама бросить ее в широкое полукруглое отверстие торчащей из бетона трубы, на дне которой плескалась темнота. В этой тьме ждал подарков ее любимый тролль.

Двадцать лет. Тело так и не найдено. Кто-то забрал его, спрятал вместе с давешней карманной мелочью.

Сквозящий в перекрытиях ветер тихо гудел в щелях и пустотах вокруг Савельева. Сверху доносился вороний грай, приглушенный металлом громадных ферм. Ему показалось, что он слышит что-то еще — шорох и скрежет сзади... и снизу, под ногами. Будто какое-то большое животное ползет по другой стороне моста, цепляясь за крепления кривыми когтями. Он оглянулся на уже далекий, исчезающий в тумане вход. Присмотрелся — почудилось, будто справа из-за трубы показалось и немедля скрылось блестящее чешуйчатое кольцо, упругое и живое, как...

Как часть длинного гибкого хвоста.

Савельев замер.

Брось, не дури. Просто ветер качнул чертов кабель. Блестящий, мокрый из-за тумана кабель.

«*Хи-яс-с-сь...*» – проскрипел мост.

– Пошел в задницу, – ответил Савельев.

Надо добраться до конца моста, спуститься по металлической лесенке сбоку на вторую опору, чтобы проверить. За два десятка лет никто не додумался осмотреть это место. Никому и в голову не пришло искать маленькую девочку там, куда и взрослому человеку пробраться было непросто. Паша всегда сначала сползал первый, а затем помогал сестренке.

Позади все было спокойно. Никаких посторонних шумов, змеиные хвосты нигде не мелькали. Савельев облегченно выдохнул, и облако пара растаяло в тумане у его лица.

Как же тут холодно.

Он зашагал дальше, высматривая по левую руку малозаметный спуск к опоре. Их с сестрицей тайный уголок для игр и страшных сказок.

Это местечко Паша нашел и облюбывал спустя пару месяцев после того, как они с друзьями спалили брошенную сторожку. Другим мальчишкам на пепелище стало неинтересно, а его тянуло. Нравилось там бывать одному, вечерами. Вдыхать сладкий запах паленого дерева, пока тот не выветрился. Вспоминать магический танец огненных лепестков. Все-таки и правда было что-то волшебное в пересохшем русле реки, в старом мосту над ней, в пробивающихся среди шпал ростках ковыля и погорелых развалинах рядом. Паша возвращался сюда снова и снова, но никому о своих походах не рассказывал. Только сестренке, которая была слишком маленькая, чтобы что-то понимать про это. Впрочем, он и сам ничего не понимал. Мост словно звал его, манил, обещал что-то смутное, таинственное, запретное. Что-то, чем Паша хотел поделиться с сестрой.

В один из дней по пути к насыпи ему на обочине попала сбитая каким-то лихачом кошка. У нее оказались переломаны задние лапы, на мордочке засохла кровь, но она еще дышала и даже тихо, еле слышно не то скулила, не то мяукала. Уже смеркалось, а мост был близко, поэтому никто не видел, как Паша отнес кошку к останкам сторожки, как он сжег ее там живьем. Потом ему стало стыдно. Он представил, как залилась бы слезами сестренка, как выговаривала бы мать, как, выглянув из мамкиной спальни, плюнул бы в сердцах дядя Коля. Паша решил спрятать обгоревший трупик, чтобы избежать всего этого. И нашел узкую лестницу, спускавшуюся с края моста на одну из опор.

«*Так ты впервые покормил тролля*», – вкрадчиво шепнул туман. Дурацкий сленг, которым пользовались студенты Савельева, сейчас почему-то не казался ему ни смешным, ни глупым.

Он удивленно моргнул, увидев очередную ворону, что сидела над узким отверстием у бокового парапета... прямо над вертикальной линией из коротких перекладин-ступенек, уходящих в эту дыру. Блестящий черный глаз внимательно следил за Савельевым. Ворона открыла клюв и издала пронзительный крик.

– Да вижу я, вижу... Спасибо, – поблагодарил он ворону, сдержав зародившийся в горле смешок.

Без истерик. Просто мерзкая птица на мерзкой железке мерзкого моста.

Савельев сошел с рельс. Остановился у отверстия. Внизу плыл туман. Савельева трясло от холода, но на лбу все равно выступил пот. Он утерся рукавом и начал спускаться.

Неожиданно сизую хмарь разорвало порывом ветра, и, глянув под ноги в поисках очередной ступеньки, Савельев увидел далеко-далеко внизу темное дно реки, покрытое камнями и мусором. Голова закружилась, ослабшие пальцы предательски дрог-

Андрей Сенников

«А ЗА ОКНОМ СНЕЖИНКИ ТАЮТ...»

Вариантов всегда полно, главное — правильно их оценить. Когда Кит усвоил эту нехитрую истину, он перестал беспокоиться и начал жить. Потихоньку все наладилось.

Город, который жрал его заживо до тринадцати лет, перетирая гнилыми зубами бетонных коробок. Улицы, что раньше казались нитями прочной паутины, в которой он запутался, словно жалкая муха. Люди, которые всегда были чужими, черствыми и злыми, как пара законченных алкоголиков, что перестали притворяться родителями года три назад. Все изменилось и стало его личным карманом, а полное не может быть пустым. Верно? Стоило запустить туда пятерню, немного подождать, полуприкрыв глаза, и — оп-ля! — получить желаемое. И конечно, не забыть загодя произнести про себя волшебные слова: «Горшочек, вари!»

Кит усмехнулся в залепленное мокрым снегом окно старой маршрутки. На улице мело, раздолбаный «пазик» понуро тащил короткое тело по нечищенной мостовой, взметая колесами буруны грязной шуги. Он подпрыгивал перед светофорами на буграх снежного наката и вихлял задом на остановках, словно бульварная девка, вышедшая на съём. Кит ерзал вместе с сиденьем, не прикрепленным к трубчатому каркасу, вцепившись в поручень спинки перед собой. В салоне воняло дизельным выхлопом,

мокрыми шубами и шерстью. Водитель вяло переругивался по сотовому с таким же, как он, рыцарем рубля и баранки, который промешкал у диспетчерской и теперь нагло сгребал пассажиров с остановок в паре светофоров впереди, как снегоуборочная машина.

«За бабки рубится,— подумал Кит.— Час пик. Новый год через два дня. Красота...»

Он оглядел полупустой салон. Парочка ярких девчонок, три бабуси, две тетки с объемистыми пакетами, безуспешно пытающиеся пристроить их на колених, словно шкодливых щенков. Снудый мужичок лет пятидесяти клевал носом на заднем сиденье, и мотало его хорошо — не иначе с новогоднего корпоратива: дорогое черное пальто распахнуто, галстук с булавкой, шелковый шарфик, которые Кит называл бизнесменскими, остроносые полуботинки с соевыми разводами. Потоптал снежок, видно. Кит почти любил своих случайных попутчиков. И тех, кто носился сейчас по магазинам, выбирая подарки, затариваясь шампанским и апельсинами, вареной колбасой для оливье и петардами для безпятиминутдвенадцатого салюта во дворе.

Все они были для него.

Они носили его норковые шапки и телефоны, кошелки с продуктами и дорогие блестящие сумочки, шубки, купленные в кредит, и сережки, подаренные на день рождения или Восьмое марта. Для него они таскали в кошельках кредитные карточки вместе с паролками прямо на банковских бланках, испещренных предупредительными надписями, полтинники для школьных завтраков, и пили они исключительно для него, размягчась и добрея до умопомрачения. Разве можно было их не любить? Не обожать тайно?

За свою не слишком длинную жизнь Кит прочитал полкниги, когда валялся в инфекционке с желтухой: первый том «Виконта де Бражелона» Александра Дюма. То ли из-за синюшной больничной

овсянки, то ли из-за того, что и дома его не слишком баловали разнообразной едой, но самое большое и неизгладимое впечатление из прочитанного осталось от потрясающей трапезы д'Артаньяна и господиня дю Валлона де Брасье де Пьерфона. Много позже он сообразил, что рассматривает людей, как гурман любовно разглядывает перепелиное крылышко в соусе из белого французского вина, причмокивая повлажневшими от предвкушения губами. И ему это нравилось...

Главное — правильно оценить варианты.

А еще у него были волшебные слова.

На улице Кит жил одиночкой. Шестнадцатилетним волчонком с обветренными скулами, взглядом исподлобья, широкой улыбкой и карманами, в которых помимо полутора-двух тысяч всегда лежали несколько дешевых авторучек: шариковых, гелевых — все равно. «Кит-авторучка» — так его называли. И он знал многих, но держался особняком, не желая сблизиться с болтливой и откровенно тупой гопотой.

За «Насыпью» рыцарю на сером в ржавое яблоко павловском скакуне повезло, и он подобрал престарелую принцессу с тремя пятаками в морщинистой ладони. Поджарая бабка в старой цигейковой шубе с вытертым воротником и норковой шапке с проплешинами там, где остевой мех повылазил до подшерстка. Тощая хозяйственная сумка болталась на сгибе локтя, пока она расплачивалась за билет, ворча по поводу двухрублевой сдачи, которую скупой рыцарь выдал десятикопеечными монетками.

Кит вновь отвернулся к окну. Маршрутка катила мимо двадцать первого микрорайона, где дешевые и безликие муниципальные девятиэтажки соседствовали с оригинальными свечками элитных домов и целой улочкой двухэтажных таунхаусов. Повсюду горели огни. По фасадам сверкали вывески бутиков, аптек и мини-маркетов с новогодними гирляндами. По тротуарам сновали люди. Автобус выбирался из

района новостроек, чтобы через два километра въехать в частный сектор — «Плесики». Такое вот смешное название, но Кит ехал туда за «травой» по заветному адресочку. К тяжелым наркотикам он так и не пристрастился, не успел подсесть, а вот забить косячок любил, если потом еще и пивком оттянуться — лепота.

Он едва обратил внимание на мелодичную трель телефонного звонка, которую за ревом двигателя было почти не разобрать, но скрипучий голос с визгливыми подвываниями вырвал его из задумчивости. Бабка в шубе с облезлым воротником, устроившаяся впереди него через сиденье, сдвинула набекрень шапку, выпростав неожиданно большое ухо и несколько грязно-седых прядей, прижимала к сморщенной щеке...

Мать твою! Айфон!

Кит подобрался, ощущая знакомый холодок под ложечкой, мигом позабыв про «траву» и прочие удовольствия. Секунду спустя он рассмотрел под желтыми пальцами с разбухшими артритными суставами изображение серебристого надкушенного яблочка.

— А?! Чего?! В маршрутке я! Слышь, Никитична? А? Еду, говорю... Чего купить?! Обожди, супермаркет, кажись, проехала... Чего?! Говори громче!..

Не может быть, думал Кит, откуда у старой карги Эплл? Неужели китайцы научились шлепать за Эпли? Все равно, даже китайский, в магазине он весит тыщ двадцать пять, а венгерский — все сорок. Бабка-то — рвань плесиковская наверняка. Вари, горшочек, вари...

Старуха вертела головой, высматривая в окнах что-то, ведомое только ей и собеседнице. Кит заметил, что сухие губы она подмазала розовым блеском, жирно подрисовала брови и наложила на сухие ящерицы веки голубые тени. Гадость!

Вари, горшочек, вари! Телефончик ей подарили, пожалуй. Кто? Внук, сын, зять... Жест для делового

плесиковского пацана нелепый. Кто-то покруче? А чего тогда выпускают в город в таком обсосанном виде, не нашлось пальтишка приличней? Почему на автобусе? Странно это все, странно. На вид и по разговору – русская. Если рвать трубу, то нести потом надо к Ахмеду – его перцы с землячества падки на такие цацки, вещь уйдет в момент, а пересекаться с местной братвой они не любят... Погоди, погоди... Кит даже вспотел. Как это – рвать? Не говори «гоп»... Вари, горшочек, вари!

– Ладно, не стони... Не стони, говорю! Сейчас выйду, вернусь на остановку, есть там аптека...

Может, она бывшая ментовская? Прокурорша какая-нибудь в глубокой и немалой пенсии. Косметикой мажется... С этими ухо держи востро, у нее в кошелке запросто может «оса» лежать, а то и газовик в кармане. Плавали, знаем! Но разговаривает как торговка семками: полотняный мешок, картонная коробка и граненый стакан с угольно-черными зернами. И так лет двадцать. Кстати, могла и подкопить, хе-хе...

Кит смотрел, как бабка идет по проходу, цепко удерживаясь на ногах, словно морская волчица на раскачивающейся палубе. Трубу она сунула в карман шубы. Кит поднялся следом, спокойно и не торопясь, еще не зная, на что решиться. Он встал в шаг за спиной у старухи, но смотрел на другую сторону дороги, приседая и делая вид, что высматривает нужный дом. Поправил вязаный «гондончик» на голове, прикрываясь предплечьем от зыркающего в зеркало водилы, и надвинул плотную шапочку на самые брови.

– Тут останови, – прокричала бабка.

Дверь лязгнула, старуха проворно ссыпалась на обочину по ступеням с ледяными натоптышами. Кит вышел следом, но сразу повернул в другую сторону. Ветер утих, и мягкий снежок опускался на землю тихо-тихо, как парашютики одуванчика, где похрустывал под ногами, словно попкорн в крепких челюстях завязанного киномана. Кит перешел дорогу

метрах в ста от заветного айфона и быстро стал нагонять бесформенную фигурку, разгоняя кровь и энергично насыщая ее кислородом, дыша по-особому: часто и неглубоко, сильно сокращая межреберные мышцы, как учили когда-то в лыжной секции. Так сделаю, подумал он, трубу сдам у политеха, мажоров на папиных тачках там хватает. За пять–семь косых яблочко укатится – не догонишь, и слушок на Улицу от известного перекупщика не просочится. И будь она хоть генеральская дочь...

Дальше думать Кит перестал.

А сделал все быстро и чисто. И фарт сидел у него на плече, как обезьянка в цирке у дрессировщика. Он нагнал бабку аккуратно между высоток, у крутого спуска во дворы. До длинного дома с магазинами и аптекой, освещенными тротуарами и невнятно бубнившей музыкой оставалось метров двести. Ближайшие пешеходы месили свежий снег немного ближе, но не настолько, чтобы ясно разглядеть Кита в ступающихся сумерках и снежной карусели.

Старуха вновь разговаривала по телефону, разгоняя скрипучим визгом снежинки. Ай, молодца! Кит наддал, плавным скользящим шагом сократив последние десять метров, и легонько хлопнул драную шубейку по плечу. Рефлекс сработал, как часы: детский сад, ей-богу, – старый да малый. Женщина повернула голову и немного плечи. Правая рука с телефоном осталась сиротливо висеть в воздухе, словно еще прижимала трубку к уху. Кит привычно и нежно выхватил плоскую коробочку из сухой ладони, не останавливаясь, не сбивая шага, и метнулся во дворы.

Кажется, жертва охнула, а потом запричитала что-то – Кит не расслышал. В голове слегка шумело, и дыхание едва заметными на пятиградусном морозце струйками энергично рвалось наружу. Он не ждал, что старушка пустится вдогон (хотя и так бывало), максимум, что она видела несколько секунд, – быстро удаляющуюся фигуру в черной куртке и чер-

ной же шапочке. Кит пересек двор наискосок, обжевав заброшенную хоккейную коробку, и устремился к арке в углу г-образной пятиэтажки, замыкавшей пространство между домами. Там он остановился, скинул куртку и быстро вывернул ее наизнанку, то же проделал и с шапочкой. Из арки Кит вышел в стеганой квадратами серой куртке с яркой иностранной надписью на спине, вязаной шапочке в тон и шарфом, повязанным на шее поверх воротника.

Он повернул направо и пошел по улочке между домами в сторону ярко освещенного проспекта, на ходу вынимая аккумулятор из трофейного Эппла. Мегафоновскую симку он бросил в урну, трубу сунул в нагрудный карман, бывший внутренний, аккумулятор — в джинсы, с удовольствием закурил. Великая вещь двусторонняя одежда. Такая вот канитель. Кит поймал себя на том, что лыбится во весь рот. Покупку «травы» он решил отложить на денек.

Трофейный телефон зазвонил минут двадцать спустя, когда Кит уже ехал в центр в уютно гудящем новеньком троллейбусе. Кто-то очень близко, словно над ухом, негромко произнес: «Странные праздники. Что-то меня знобит от этого веселья...» Кит выпрямился на сиденье и обернулся, уткнувшись носом в толстое стекло, забрызганное талой грязью: по давней привычке он предпочитал задние места в общественном транспорте. В груди что-то затрепыхалось, и первые такты смутно знакомой мелодии донеслись до слуха.

Кит поперхнулся, в паху возникла тянущая боль, словно его аккуратно прихватили за яйца. Он лапнул за грудь, и под вспотевшей ладонью ощутил, как мелко, с перебоями, дрожит сердце. Глаза полезли из орбит, Кит задыхался и хлопал себя по груди, как будто хотел сбить аритмию и пустить мотор положенным «тук-тук, тук-тук», а тошнотворный дребезг становился все сильнее и музыка — громче. Кит растегнул молнию на кармане, выломав собачку и не

заметив этого. Рука скользнула в темное и теплое нутро, словно между ребрами, и вырвала из груди на бледный свет длинных потолочных плафонов плоскую трепещущую коробочку...

Плотный узел в горле распустился, и хриплый громкий смех вырвался наружу. Тело растеклось по сиденью потной квашней, прядь волос выбилась из-под шапки и прилипла ко лбу. Кондукторша покосилась на Кита из глубины салона, а он смотрел на мерцающий багрово-зеленым экран айфона с двумя надписями: «вызов» и «номер абонента скрыт». Кит ощущал углы аккумулятора в брючном кармане, но недоверчиво пощупал пальцами через плотную ткань. Смех застрял на доньшке легких, вызывая слабый щекотный зуд.

Кит перевернул телефон и открыл крышку аккумуляторного отсека. Айфон в очередной раз содрогнулся в пальцах, словно мышь, которую вспороли перочинным ножиком, и продолжал содрогаться, пока Кит рассматривал пустое гнездо для сим-карты, фабричный штамп со штриховым кодом и серийным номером на дне отсека. «Трам-па-рааам, трам-па-рааам», — надрывалась трубка жестким, повторяющимся ритмом.

«Глюк,— подумал Кит, чувствуя на себе множество взглядов других пассажиров,— просто глюк».

Он закрыл крышку, перевернул трубку и придавил большим пальцем сенсорный экран, где была нарисована кнопка отбоя, как клопа размазал. Эппл пискнул и замер, Кит сунул телефон в карман. В голове у правого виска, но выше и ближе ко лбу вспучился комок боли. Он пульсировал, распространяя жаркие ритмичные волны до самого затылка: трам-па-рааам, трам-па-рааам. Рот наполнился кислой слюной, Кит сглотнул, но желудок протестующе дернулся, словно пустой мешок на веревочке.

Парень беззвучно, но матерно шевельнул губами. Есть надо вовремя.

Содержание

Праздник нечисти	3
Максим Кабир. Классные рога, чувак!	7
Парфенов М. С. Мост	24
Андрей Сенников. «А за окном снежинки тают...»	38
Леонид Негуляев. Богохульник	65
Мария Артемьева. Маршрут выходного дня	89
Борис Левандовский. Сгоревший	100
Ольга Зинченко. Практические занятия	145
Александр Матюхин. Сияние ее глаз	159
Михаил Киоса. Поединок	186
Александр Вангард. ЯР	205
Владимир Кузнецов. Венецианская маска	219
Наиль Измайлов. Обмен веществ	255
Михаил Павлов. Рудник	268
Дмитрий Козлов. Последний бой Дениса Давыдова	292
Дмитрий Тихонов. Ряженный	317
Владислав Женеvский. Атеист	330
На праздник заглянули	343

Литературно-художественное издание

16+

Хеллоуин

Сборник рассказов

Ведущий редактор *И. Епифанова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Компьютерная верстка *О. Савельевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

13 авторов.

13 рассказов и повестей.

13 серийных убийц и маньяков.

Создатели антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2014» и «Самая страшная книга 2015» представляют новый уникальный проект — сборник, целиком и полностью посвященный, пожалуй, самой ужасающей теме современности.

Писатели, работающие в жанре «хоррор», заглянули на свой страх и риск в кровавую бездну человеческого безумия — и готовы поделиться с вами теми кошмарами, которые в этой бездне увидели.

Не для слаонервных. Не для детей. Не для беременных.

Будь осторожен, читатель. Эта книга способна свести с ума.

Безумие — заразно...